
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

А. А. РОМАНЧУК

МОЛДАВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ *LINGUA COMUNA*: КЕЙС БУЛАЕШТСКИХ УКРАИНЦЕВ*

Статья является частью проекта «Русскоязычное население Республики Молдова и румынский язык». Под «русскоязычным населением» мы подразумеваем этнические меньшинства страны, в первую очередь: русских, украинцев, болгар, гагаузов.

В настоящее время в селе Булаешты люди до 40 лет, а особенно до 30 лет, как правило, либо могут общаться на румынском языке, либо, в худшем случае, понимают румынскую речь. То есть они в какой-то степени трехязычны.

Основными факторами роста знания румынского языка стали работа в румыноязычной среде, межэтнические браки, давление со стороны государства и румыноязычной среды в целом, а также улучшение преподавания румынского языка в школах (за последние годы).

Несмотря на отмеченный рост знания румынского языка среди украинцев Булаешты, в целом, однако, их вовлеченность в румынскую культуру почти не увеличилась. Никто в селе не смотрит фильмы или телевизор на румынском языке, не читает книги или СМИ.

* Статья подготовлена в рамках государственной программы «Subprogramul de cercetare (2024–2027): 170101 Cercetarea și valorificarea patrimoniului cultural construit, etnografic, arheologic și artistic din Republica Moldova în contextul integrării europene».

Для цитирования: Романчук, А. А. 2024. Молдавское общество в поисках *lingua comuna*: кейс булаештских украинцев. *Историческая психология и социология истории* 2: 72–85. DOI: 10.30884/ipsi/2024.02.03.

For citation: Romanchuk, A. A. 2024. Moldovan Society in Search of *Lingua Comuna*: The Case of Bulaesti Ukrainians. *Istoričeskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* = *Historical Psychology & Sociology* 2: 72–85 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2024.02.03.

Историческая психология и социология истории 2/2024 72–85
DOI: 10.30884/ipsi/2024.02.03

Показательно также, что на вопрос «Что мешает лучшему знанию и использованию румынского языка?» все респонденты, так или иначе, назвали в качестве важнейшей причины тот факт, что они часто сталкивались с демонстративным нежеланием говорить с ними на русском языке (прежде всего со стороны чиновников).

Насколько ситуация в Булаешты отражает положение русскоязычного населения страны в целом, требует отдельного исследования. Но одна из респонденток, бывшая студентка колледжа в Кишиневе (она окончила его около десяти лет назад), привела интересный пример. По ее словам, из ее русскоязычной группы (30 девушек) ни одна не вышла замуж за румыноязычного парня. Этот пример, безусловно, статистически незначим и недостаточен для широких обобщений. Но если он точно отражает основную тенденцию, то получается, что русскоязычное население и румыноязычное население Республики Молдова, формально довольно тесно общающиеся, на более глубоком уровне все больше расходятся в «параллельные миры». Это усугубляется тем, что все большее число румыноязычной молодежи плохо или совсем не знает русский язык.

Ключевые слова: этнические меньшинства, румынский язык, украинцы, Республика Молдова.

В настоящей статье излагаются предварительные результаты первого этапа исследовательского проекта «Русскоязычное население Республики Молдова и румынский язык». По результатам проекта запланирован цикл статей с общим заголовком: «**Молдавское общество в поисках *lingua comuna***».

В качестве объекта этого, первого, этапа исследования выступают булаештские украинцы.

Украинское село Булаешты (рум.: *Bulăești* [Булэешть]) расположено в Орхейском районе Республики Молдова. Масштабные междисциплинарные исследования булаештских украинцев ведутся уже почти двадцать лет, результаты этих исследований были обобщены в вышедшей в текущем году монографии (Романчук 2024).

Итак, булаештские украинцы – носители локального украинского говора, но одновременно – и часть этнокультурной и этнополитической общности более высокого уровня, общности, именуемой «русскоязычным населением Республики Молдова».

Поясню, что под «русскоязычными Республики Молдова» на деле подразумеваются все этнические меньшинства страны, и прежде всего: русские, украинцы, болгары, гагаузы.

Само понятие «русскоязычные Республики Молдова» стало широко употребительным в научной литературе, пожалуй, после

выхода в 1998 г. монографии «Identity in Formation: the Russian-Speaking Populations in the Near Abroad» известного американского политолога и социолога Дэвида Лэйтина (Laitin 1998) – автора международного исследовательского проекта «Национальные процессы, языковые отношения и идентичность», реализовавшегося в том числе и в Республике Молдова (Остапенко и др. 2012: 9).

Согласно аннотации (сама книга, к сожалению, осталась мне недоступной), в этой монографии «Лэйтин заключает, что “русскоязычное население” – новая категория идентичности в постсоветском мире. Эта групповая идентичность тех, кто говорит на одном языке, предполагает Лэйтин, аналогична таким определениям, как “палестинцы” на Ближнем Востоке и “латиноамериканцы” в США» (Laitin concludes that the “Russian-speaking population” is a new category of identity in the post-Soviet world. This conglomerate identity of those who share a language is analogous, Laitin suggests, to such designations as “Palestinian” in the Middle East and “Hispanic” in the United States) (Laitin 1998).

Однако здесь скорее можно говорить о том, что Д. Лэйтин ввел в научный оборот термин, возникший стихийно и достаточно распространявшийся (по крайней мере – в Республике Молдова) в политической публицистике еще в первой половине 1990-х (если не в конце 1980-х) гг.

Логика такого обобщающего понятия, как «русскоязычные Республики Молдова», вполне ясна, поскольку именно русский язык, и со времен еще Российской империи и СССР, служил и служит для всех этнических групп Республики Молдова и языком межнационального общения, и языком образования, и в ряде случаев у некоторых представителей тех же украинцев, болгар или гагаузов – даже вытесняет родной язык.

Приведу здесь некоторые результаты недавних этносоциологических исследований, касающихся как раз гагаузов. Гагаузы, и в том числе как носители языка, особенно сильно отличающегося от русского (в отличие от того же украинского или болгарского), в этом отношении особенно примечательны.

Итак, «большинство гагаузов, в том числе женщин, хорошо знали и гагаузский, и русский языки, причем использование русского языка остается более массовым. По данным исследования 2018 г., 74 % женщин и 77 % мужчин хорошо владели гагаузским языком (думали на языке и свободно говорили), а русским языком – соответственно 94 % и 95 %... Материалы опроса 2018 г. свиде-

тельствуют также о том, что во время общения и женщины, и мужчины чаще используют русский язык. Так, на нем говорили 72 % женщин и 73 % мужчин, а на гагаузском – соответственно 51 % и 49 %. При просмотре телепередач русский язык эксплуатировался еще активнее: 93 % женщин смотрели программы на русском языке и только 25 % – на гагаузском, среди мужчин соответственно – 89 % и 24 % (включая людей, использующих оба языка)... Более трети респондентов (34 % мужчин и 36 % женщин) хотели бы, чтобы их дети обучались в школе на гагаузском языке. За русский высказалось соответственно 83 % женщин и 77 % мужчин» (Субботина, Остапенко 2021: 19).

Проводя (в рамках проекта «Русскоязычное население Республики Молдова и румынский язык») полевые исследования в Комрате (13–16 декабря 2024 г.), я имел возможность убедиться, что ситуация и сегодня осталась аналогичной – несмотря на целенаправленную в последние годы политику властей Гагаузии по расширению сферы функционирования гагаузского языка (был даже принят соответствующий закон с таким названием). Значительная часть (пожалуй, более половины) принявших в опросе респондентов-гагаузов (Гагаузия – весьма полиэтничный регион [помимо гагаузов, здесь следует особенно выделить болгар], и в опросе принимали участие представители всех населяющих его этносов) указывали, что, хотя оба родителя – гагаузы, в семье говорят (или преимущественно говорят) на русском языке¹.

¹ На данный момент в опросе приняли участие более пятидесяти человек (очень им признателен) – студентов Комратского государственного университета (в основном обучающихся по специальности «Юриспруденция»). Разработанный специально для Гагаузии (точнее даже – именно для студентов Комратского университета) краткий опросник включал следующие семнадцать вопросов:

1. Ваша национальность?
2. Кто по национальности Ваши родители?
3. На каком языке говорят в семье?
4. Откуда Вы родом?
5. Знаете ли Вы румынский язык и в какой мере (говорите свободно; говорите плохо; понимаете, но не говорите)?
6. Как и когда Вы выучили румынский язык?
7. Используете ли Вы румынский язык в Комрате (Гагаузии в целом), как часто и в каких ситуациях (и с кем)?
8. На каком языке Вы обычно говорите в Кишиневе (за пределами Гагаузии в целом)?
9. Смотрите ли Вы фильмы, передачи на румынском, и если да, то как часто?
10. Общаетесь ли Вы в соцсетях на румынском, и если да, то как часто?

Причины такой ситуации заслуживают специального обсуждения, и, как мне кажется, было бы неверно пытаться сводить их лишь к политике русификации в советское время.

Не пытаясь здесь дать развернутое и исчерпывающее объяснение, я обратил бы внимание прежде всего на два обстоятельства. Во-первых, на то, что Комрат (где русифицированность гагаузов особенно сильна) – изначально был чрезвычайно полиэтничен, и, соответственно, его жители, включая гагаузов, нуждались в некоем *lingua franca* для взаимного общения (на это обстоятельство как раз обращали внимание некоторые из респондентов). Русский язык и выступил в качестве этого *lingua franca*.

Во-вторых, и эта причина существенно сложнее и требует отдельного исследования, – по всей видимости, можно говорить об особой пластичности гагаузов в этноязыковых процессах, их высокой готовности (более высокой, чем у других этносов, с которыми они находятся в процессе взаимодействия) адаптироваться и воспринимать другие языки (в этом отношении гагаузы, на мой взгляд, весьма схожи с молдаванами). Хорошей иллюстрацией служит ситуация, на которую в процессе глубинного интервью обратила мое внимание Г. Н. Мутаф (заведующая кафедрой гагаузской филологии в Комратском государственном университете), сформулировав ее суть в шуточной (и, естественно, несколько утрирующей действительность) фразе: «Если болгарка выходит замуж за гагауза, то вся семья этого гагауза начинает срочно учить болгарский язык» (интервью от 13.12.2024 г., Комрат).

Как представляется, это тот самый случай, когда в шутке лишь доля шутки.

И в подтверждение можно заметить, что действительно среди участников проведенного (13–16 декабря 2024 г.) опроса оказалось

11. На каком языке Вы планируете учить своих детей?

12. Есть ли у Вас предпочтения по национальности Вашего потенциального брачного партнера, и если да, то какие?

13. Есть ли у Вас предпочтения, на каком языке желательно должен предпочитать общаться Ваш потенциальный брачный партнер, и если да, то на каком?

14. Имеются ли среди Ваших родственников, друзей, знакомых люди, которые выбрали в качестве брачного партнера представителей румыноязычной среды?

15. Планируете ли Вы после окончания университета остаться в Комрате (вообще Гагаузии) или уехать? И если уехать, то куда?

16. Ваше имя и, по желанию, фамилия?

17. Ваш email (по желанию)?

несколько человек из смешанных болгарско-гагаузских семей – и все они в качестве языка, на котором происходит общение в семье, указали либо русский, либо болгарский, либо русский и болгарский.

То есть при межэтнических гагаузско-болгарских браках, и даже (или, пожалуй, особенно) в случае, когда речь идет о мужчине-гагаузе и женщине-болгарке (и несмотря на характерный для гагаузской культуры мачизм и вообще высокую степень авторитарности гагаузов-мужчин; как сообщила одна из респондентов (русская), она не хотела бы, чтобы ее дочь вышла замуж за гагауза именно из-за их авторитарности в семейных отношениях), в большинстве случаев именно болгарский язык становится языком общения этих возникающих гагаузско-болгарских семей.

Картина, как представляется, весьма любопытная и потенциально очень перспективная в научном отношении.

Впрочем, приведенные здесь наблюдения по поводу гагаузско-болгарских межэтнических взаимодействий следует расценивать лишь как сугубо предварительные и требующие проверки на существенно большей выборке.

Возвращаясь к главному, то есть – к русскому языку и русскоязычным как явлению, обобщим: как бы то ни было, ясно, что на сегодняшний день для тех же гагаузов русский язык – больше, чем просто один из языков, которыми они владеют.

Это сегодня на самом деле явно хорошо ощущается и самими гагаузами на уровне самоидентификации. Очень точно это самоощущение выразил современный гагаузский поэт Петр Чеботарь: «...Чуть-чуть румын, немного турок, / А в целом – русский патриот» (Губогло 2003: 6).

Даже делая скидку на поэтическое преувеличение, все же это наблюдение следует признать отражающим реальность. И, пожалуй, с определенными нюансами оно будет верно и для прочих крупных (и уж тем более – мелких) этнических меньшинств Республики Молдова – украинцев и болгар.

Применительно к украинцам Республики Молдова существенное влияние на ситуацию оказывает также то, что украинские села здесь возникали в разное время и в результате миграций из различных частей территории, которая лишь позже стала Украиной. Соответственно, население, по крайней мере части этих украинских сел, вовсе не обладало украинской этнической идентичностью вплоть до второй половины прошлого века (как те же жители Була-

ешт – которых в украинцы записала уже советская власть [Романчук 2024: 14–15]). Сегодня украинцы Республики Молдова в большинстве себя отнюдь не идентифицируют с Украиной – даже несмотря на то, что последние десятилетия Украина ведет целенаправленную политику, образно выражаясь, «украинизации украинцев Республики Молдова» через открытие украинских школ и различные образовательные и культурные программы².

Что касается собственно русских Республики Молдова, то существенно, что и они на сегодняшний день на деле представляют собой результат насчитывающих уже многие десятилетия процессов межэтнического смешения и локальных культурных процессов.

Хорошим отражением этого факта является то, что «из общего числа опрошенных в 1997 г. русских молодых людей только треть были выходцами из однородных русских семей. Остальные были представителями семей, в которых лишь один из родителей был русским» (Остапенко и др. 2012: 137). Аналогичный результат показало и более позднее этносоциологическое исследование: «в 2003 г. уже каждые три брака из четырех, заключенных русскими, были межэтническими» (Там же: 129).

Крайне существенным (и я хотел бы это особо подчеркнуть) является также то, что «в этой республике (то есть в Республике Молдова. – *А. Р.*) в смешанные браки русские чаще вступали не с молдаванами, а с представителями иных национальностей, как правило, с украинцами и белорусами» (Там же: 129). Видимо, подобное действительно тянется к подобному.

То есть русскоязычных Республики Молдова объединяет в общее целое отнюдь не только русский язык.

Таким образом, как можно видеть, русскоязычные Республики Молдова как некая общность, охватывающая все этнические меньшинства страны, – не научный конструкт, а объективная этнополитическая, этнокультурная и этноязыковая реальность.

² Признаться, я отрицательно отношусь к этой политике. Во-первых, возникает вопрос: почему «киево-кировоградский» (да хоть «львовско-ивано-франковский») образец украинца (и украинской культуры и языка) должен стать эталоном и для украинцев Республики Молдовы – приводя к вытеснению и замещению оригинального культурного наследия внешним, фактически искусственным по отношению к ним, стандартом? Во-вторых, пропаганда украинской национальной исключительности, господствующая в современном украинском культурно-политическом нарративе, уже довела до беды саму Украину. Не хотелось бы, чтобы украинцы Республики Молдова тоже превратились в пушечное мясо ради удовлетворения амбиций кучки потерявших всякую связь с реальностью политиканов.

Хочу подчеркнуть, что это именно в том числе и этнополитическая реальность. Политические интересы всего русскоязычного населения Республики Молдова достаточно близки, и в центре их находится сохранение дружественных отношений с Россией и сохранение молдавской государственности. Как хорошо известно (и как бы парадоксально это ни звучало), самые большие поборники молдавской независимости и патриоты молдавской государственности – именно русскоязычные Республики Молдова.

То есть русскоязычные Республики Молдова представляют собой образец того, что с подачи А. Лейпхарта принято именовать «политическим сегментом» конкретных обществ. Именно так и было ранее предложено рассматривать русскоязычное население Республики Молдова (Романчук 2012: 18). И, по всей видимости, для тех же гагаузов именно то, что они являются частью этого, более крупного и имеющего существенно более высокий экономический, политический, социальный и культурный потенциал политического сегмента, как раз и стало тем искомым (Воронович, Романчук 2009: 92), и весьма существенным фактором, позволившим им все же добиться политической автономии.

Итак, частью этой этнополитической, этнокультурной и этноязыковой реальности являются и булаештские украинцы, которые, кстати, на недавних президентских выборах во втором туре дружно (более 95 %) проголосовали за гагауза А. Стояногло.

Русским языком сегодня булаештские украинцы владеют поголовно, и он занимает очень существенную (и, что примечательно, – все еще увеличивающуюся) нишу в их социолингвистическом бэкграунде.

Основным фактором распространения русского языка среди булаештских украинцев стала русская школа, функционирующая в Булаештах с середины прошлого века.

Что примечательно: хотя русская школа функционирует уже более 70 лет, но распространенность русского языка, степень русифицированности булаештских украинцев выросли достаточно резко, скачком – в 1990-е и особенно 2000-е гг., то есть уже после распада СССР и в условиях существования независимого государства Республики Молдова.

Иными словами, наблюдается существенный временной лаг, фактически – в четыре поколения, между моментом открытия в селе русской школы и моментом резкого возрастания русифицированности булаештских украинцев.

С чем связан этот временной лаг? Не является ли он вообще некой константой этноязыковых взаимодействий (не обязательно указанной длительности в четыре поколения)? И почему ускорение русификации парадоксально пришлось уже на период после распада СССР (то есть после исчезновения того мощнейшего политического фактора, который был ключевым движителем русификации)?

По всей видимости, ответ на эти вопросы имеет не только прикладное, но и существенное теоретическое значение.

Не пытаясь здесь дать исчерпывающие ответы на эти вопросы, обращаю внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, по всей видимости, мы должны говорить о своего рода кумулятивном эффекте – когда накопившаяся в течение длительного времени (нескольких поколений) инерция языкового процесса приводит к его резкому, скачкообразному, ускорению. Видимо, этот кумулятивный эффект и сыграл здесь решающую роль.

Поэтому, во-вторых, можно считать вполне определенным то, что временной лаг в этих процессах вполне закономерен. Его конкретная длительность должна варьировать в каждом случае и зависит, в свою очередь, от конкретных условий. Но, если говорить именно о булаештских украинцах, то решающим обстоятельством здесь, видимо, стало то, что к концу 1990-х – началу 2000-х гг. практически полностью ушли из жизни те поколения, которые как раз в русской школе не учились. Соответственно, с их уходом булаештский социум утратил и весьма мощный «якорь», который ранее сдерживал его русификацию.

В-третьих, именно в 1990-е гг. и далее резко увеличился объем доступного жителям села телеконтента – фильмы, мультфильмы, развлекательные передачи. Люди (и особенно дети младшего возраста) стали проводить гораздо больше времени у телевизора. И весь этот контент был на русском языке.

Позднее, примерно с 2010 г., к «фактору телевизора» органично добавился (и все увеличивается) и фактор Интернета – где, опять-таки, подавляющая часть (если не весь) потребляемого булаештскими украинцами контента (уже поистине безграничного) – представлена именно на русском языке.

В-четвертых, именно в 1990-е гг. из-за невозможности зарабатывать на жизнь в селе и вообще в стране жители Булаешт (как и других сел Республики Молдова) вынуждены были массово прибегать к трудовой миграции и искать работу во внешнем мире. Основной

же «страной обетованной» в эту эпоху и вплоть до 2010-х гг. была как раз Россия – куда уезжали на заработки и на полгода, и на год³.

Возможно, помимо указанных факторов значимую роль играли и другие. Но, как бы то ни было, еще раз констатируем: уже к началу 90-х гг. прошлого века все булаештские украинцы были поголовно билингвально, и в течение 1990-х гг. русифицированность даже выросла – в некоторых семьях даже родители с детьми вообще говорили на русском.

Тем не менее в течение 2000-х гг. (и особенно после 2010 г.) усиливалась, однако, и роль румынского языка. И в настоящее время в Булаештах те, кто моложе 40, и особенно 30 лет, – как правило, могут или объясняться на румынском хотя бы на самом примитивном уровне, или, в крайнем случае, понимают румынскую речь. То есть в той или иной мере трилингвально (Romanchuk 2024).

Основными факторами роста знания румынского стали работа в румыноязычной среде (опять-таки) – в том числе и в Румынии, а также в Европе – причем для работы в Европе многие стараются получить румынское гражданство. И, парадоксально, даже в России: несколько респондентов указали, что выучили румынский язык, работая на стройке в Санкт-Петербурге и Москве, так как в бригадах были преимущественно молдаване.

Также следует отметить рост количества межэтнических браков.

И, по оценкам респондентов из числа молодежи (в том числе школьного возраста), существенную роль сыграло и заметное улучшение преподавания румынского в сельской школе (в последние годы).

Наконец, очевидно, крайне значимым фактором стало давление государства и румыноязычной среды в целом. То есть – нежелание некоторой части румыноязычного населения и особенно госчиновников говорить на русском.

Фактор этот отмечается всеми респондентами в Булаештах – и оценивается, замечу, весьма негативно. Вплоть до того, что на вопрос «Что мешает лучшему знанию и использованию румынского языка?» все респонденты так или иначе назвали в качестве важнейшей причины то, что они нередко сталкивались с демон-

³ Многие в результате вообще осели в России, получили гражданство и, чем дальше, тем реже приезжают домой.

стративным нежеланием говорить с ними на русском (прежде всего – со стороны официальных лиц).

То, что булаештские украинцы сегодня существенно улучшили свое знание румынского языка, – весьма повышает их способность к социальной и экономической адаптации в стране, безусловно, должно расцениваться как очень позитивное явление (даже несмотря на отмеченные выше издержки из-за использования принуждения русскоязычных со стороны государства (особенно) к освоению ими румынского языка).

Но следует также заметить (и это весьма важный факт), что, несмотря на отмеченный рост знания румынского языка среди булаештских украинцев, в целом, однако, их вовлеченность в румынскую культуру практически не выросла. Никто в селе не смотрит фильмы и телеканалы, не читает книги и СМИ на румынском.

В какой мере Булаешты отражают здесь в целом русскоязычных Республики Молдова – требует отдельного исследования⁴. Однако вопрос этот (и еще более – ответ на него), очевидно, крайне важен.

Поскольку, если это верно, то получается, что русскоязычное население и румыноязычное население Республики Молдова, формально достаточно тесно общаясь, на более глубинном уровне все более расходятся по «параллельным мирам», что усугубляется и тем, что все большая часть румыноязычной молодежи страны плохо или совсем не знает русского языка.

В этой связи отдельно хотел бы здесь также остановиться на любопытном факте (выходящем за рамки собственно булаештской тематики), который сообщила одна из респондентов, Карина З., уроженка села и ныне тоже проживающая в Булаештах, но в недавнем прошлом – студентка финансового колледжа в Кишиневе (окончила около десяти лет назад). Именно, по ее словам, из ее русскоязычной группы (30 девушек) в колледже – ни одна девушка не вышла замуж за румыноязычного парня.

Этот пример, безусловно, статистически незначителен и недостаточен для широких обобщений. Но так же безусловно – и крайне любопытен.

⁴ Но должен заметить, что проведенное мной 13–16 декабря 2024 г. исследование в Комрате, пусть пока и незначительное по объему выборки, продемонстрировало аналогичную тенденцию. Опрошенные студенты Комратского университета (то есть – преимущественно молодежь возрастом до 23 лет) – в подавляющем большинстве (практически 100 % опрошенных) не смотрят фильмы и передачи на румынском языке, равно как и не используют его в общении в соцсетях.

Для адекватной его оценки следует привести небольшой экскурс в историю ситуации с межэтническими браками в Молдавии.

Итак, «по данным переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг., Молдавия занимала одно из первых мест в СССР по доле национально-смешанных семей, уступая в этом отношении лишь Латвии, Украине и Казахстану. От переписи к переписи этот показатель увеличивался: с 13,5 % в 1959 г. до 21,0 % в 1979 г.» (Остапенко и др. 2012: 127). Более того, «города Молдавии превосходили по этому показателю города всех других республик: доля национально-смешанных семей в городском населении за период 1959–1979 гг. возросла с 26,9 % до 36,0 %, то есть каждая третья семья в городах Молдавии была национально-смешанной» (Там же: 127).

Однако «к началу XXI в. этническая картина браков в Молдавии очень существенно изменилась. У титульного этноса республики, а также у гагаузов отчетливо проявилась тенденция к увеличению доли моноэтнических браков, у русских и остальных национальностей Молдавии – к значительному росту доли межэтнических браков» (Там же: 133). И «в целом по республике доля национально-смешанных браков среди всех браков, заключенных в течение года, последовательно снижалась: с 32 % в 1970 г. до 22 % в 2003 г.» (Там же: 129).

С учетом приведенных в начале статьи данных этих же исследователей о том, что русские Республики Молдова вступают в браки преимущественно с представителями других этнических меньшинств, – картина действительно примечательная.

Правда, одновременно процитированные исследователи приводят и информацию, вступающую в определенное противоречие с их же озвученным выше выводом: «Возросла доля браков с представителями титульной национальности у всех национальных групп Молдавии, кроме гагаузов. Так, у русских доля браков, заключенных с молдаванами, возросла почти в два раза: с 21 % у женщин и 25 % у мужчин в 1970 г. до 42–43 % в 2003 г.» (Там же: 133–134).

Здесь, однако, существенный вопрос, настоятельно требующий прояснения, заключается в том, идет ли речь о румыноязычных молдаванах или же – русскоязычных? И что не менее важно: на каком языке в итоге говорят в этих возникающих семьях – русском или румынском?

Дело в том, что русскоязычные молдаване – достаточно заметная группа в населении страны. Исходя из булаештских данных,

могу сказать, что большая часть живущих в Кишиневе детей, родившихся в результате браков между булаештскими украинцами и молдаванами, – это именно либо русскоязычные молдаване, либо русскоязычные же украинцы. То есть по паспорту они молдаване или украинцы (и так себя и обозначают в переписях), и даже могут владеть румынским языком (часто обозначая его как молдавский). Но язык общения и в семьях их родителей, и уже в их собственных семьях – именно русский.

И, соответственно, нельзя исключать, что приведенные выше данные исследователей о росте браков русских с молдаванами – на деле отражают рост браков внутри русскоязычного сегмента молдавского общества.

Собственно, такое предположение лучше согласуется и с их же процитированным еще выше выводом о том, что «у титульного этноса республики, а также у гагаузов отчетливо проявилась тенденция к увеличению доли моноэтнических браков» (Остапенко и др. 2012: 133)⁵.

Впрочем, следует пока оставить это именно на уровне предположения – имея в виду необходимость в дальнейшем уточнения и прояснения данного вопроса.

Пока же и подводя итоги: представленные в статье результаты исследования булаештских украинцев именно как части русскоязычного сегмента молдавского общества – достаточно любопытны. И позволяют наметить ряд важных вопросов, которые значимы для молдавского общества в целом – и именно с точки зрения сохранения молдавским обществом *lingua comuna*. Надеюсь, продолжение этого исследования и дальнейшее расширение его источниковой базы – позволят и получить ответы на поставленные здесь вопросы.

⁵ Замечу здесь же, что по результатам уже упомянутого выше моего исследования в Комрате 13–16 декабря 2024 г. также обозначилась небольшая группа респондентов, которые обозначили себя как молдаван (причем у некоторых – даже оба родители молдаване) – но язык общения в их семьях именно русский (или один из языков общения).

Румынским языком они владеют (правда, большинство из них обозначило его как молдавский), но, по факту, это как раз тоже именно русскоязычные молдаване.

Выборка исследования в этом отношении пока, конечно, очень незначительная – но уже полученные результаты весьма любопытны и просят дальнейшего прояснения.

Литература

Воронович, А. А., Романчук, А. А. 2009. Антропология сецессии и математические методы: конфликты и «узлы» Балкан. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *История и Математика: Процессы и модели*. М.: УРСС, с. 102–130.

Губогло, М. Н. 2003. *Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки*. М.: Наука.

Остапенко, Л. В., Субботина, И. А., Нестерова, С. Л. 2012. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование). М.: ИЭА РАН.

Романчук, А. А.

2012. Теория и типология этнополитических конфликтов. Этнополитическая ситуация в Молдове. В: Рацеева, Е. В., Яйленко, Т. Л., Тимохина, Ю. Д., Романчук, А. А., *Куррикулум по предмету: «Этнополитические конфликты и их отражение в СМИ»* (код S. 03.О. 08). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, с. 9–20.

2024. Булаештские украинцы в контексте славяно-восточнороманских взаимодействий Карпато-Днестровского региона. Кишинэу: Stratum plus.

Субботина, И. А., Остапенко, Л. В. 2021. Современная гагаузская женщина: социально-культурный портрет. *Revista de Etnologie și Culturologie* XXIX: 13–21.

Laitin, D. 1998. *Identity in Formation: the Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Romanchuk, A. 2024. Romanian Language in the System of Trilingualism of Bulaestian Ukrainians. *Patrimoniul Cultural: Cercetare, Valorificare, Promovare*. Ediția a 16-a. Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural, pp. 78–79.